

УДК 327(73;560)

ОТНОШЕНИЕ США К ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТУРЦИИ В 1939–1941 ГОДОВ¹

И. В. Смольняк

Вятский государственный гуманитарный университет, 610002, Кировская область, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
sovlab.vgu@mail.ru

Турция и Черноморские проливы – регион, где всегда переплетались интересы разных стран и конкурирующих геополитических сил. На примере Турции, которая до Второй мировой войны была вне зоны непосредственных внешнеполитических устремлений Вашингтона, можно поэтапно проследить вовлечение США в политические процессы удалённого от них региона. Анализируются американо-турецкие отношения накануне Второй мировой войны. Показано отношение США к политике нейтралитета, проводимой турецким правительством накануне Второй мировой в тот период. Особое внимание уделяется истории двусторонних отношений между Анкарой и Вашингтоном в контексте отношений Турции и Великобритании, Берлина и Москвы на начальном этапе Второй мировой войны.

Ключевые слова: внешняя политика США, международные отношения, Черноморские проливы, Турция, Восточное Средиземноморье, Вторая мировая война.

Накануне Второй мировой войны Турция активизировала свою внешнюю политику. Это было связано прежде всего с заметным увеличением интереса великих держав, включая Соединённые Штаты, к этому стратегически важному региону. От того, чью сторону займёт Анкара в мировой войне, главным образом и зависела ситуация на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Турция благодаря своему географическому положению была ключом к нефтяным запасам стран Персидского залива, а также служила естественными воротами на пути из Европы на Ближний Восток и обеспечивала подступы к зоне Суэцкого канала. Опасаясь быть втянутой в военный конфликт, Анкара вела сложную дипломатическую игру, пытаясь остаться нейтральной в назревавшем конфликте.

В отечественной историографии существует значительное количество работ по истории Турции. Отечественные историки рассматривали политику Турции в контексте проблем, связанных с определением статуса Черноморских проливов и англо-американским противостоянием на Ближнем и Среднем Востоке. Это работы М. А. Гасратяна, А. Ф. Миллера, П. П. Моисеева, Л. В. Поздеевой, А. Г. Чевтаева, А. М. Шамшутдинова [*Гасратян*, 1983; *Миллер*, 1948, 1983; *Моисеев*, 1958; *Чевтаев*, 1988; *Шамшутдинов*, 1962]. Для современных российских исследователей тема Черноморских проливов по-прежнему является приоритетной. Об этом свидетельствуют опубликованная в 1997 г. монографии Т. В. Лавровой «Черноморские проливы» [*Лаврова*, 1997], выход из печати в 1999 г. труда российских историков «Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия)». Глава в нем «Советско-турецкие отношения и проблема Проливов в годы второй мировой войны и в послевоенные десятилетия» написана известным специалистом по истории Турции Б. М. Поцхверия [*Поцхверия*, 1999], который отмечает, что «советский фактор» был основной причиной преимущественной ориентации Турции на США. За последнее десятилетие вышла только монография Д. Е. Еремеева «Турция в годы второй мировой и "холодной" войн (1939–1990)» [*Еремеев*, 2005]. В ней проанализированы взаимоотношения Турции и СССР, Великобритании и Франции. Характеризуя внешнюю политику Турции накануне войны, Еремеев приходит к выводу, что она определялась стремлением сохранить хорошие отношения как с англичанами и французами, так и с СССР [*Еремеев*, 2005, с. 17].

Американская историография политики США на Ближнем и Среднем Востоке достаточно обширна. Дж. М. Бёрнс, Д. Перкинс, Дж. Прайт, Г. Фейс, Э. Беннет, Р. Даллек, И. Джеллман, Дж. Комбс и др. положительно оценивали американскую политику в отношении Турции в годы Второй мировой войны [*Burns*, 1956; *Bennett*, 1990; *Combs*, 1986; *Dallek*, 1979; *Perkins*, 1967; *Pratt*, 1955; *Feis*, 1967]. Б. Рубин, Дж. Гуревич, Г. Говард, Е. Спейсер рассматривали политику США в отношении Турции в годы Второй мировой войны через призму американо-британских союзниче-

ских отношений, отмечая, что практически до конца войны США в отношениях с Турцией не проводили самостоятельной политики, подчеркивая, что США видели свою задачу в Турции в том, чтобы играть роль «третьей силы», используя возникающие противоречия между Великобританией, Германией и СССР [Hurewitz, 1953; Howard, 1974; Speiser, 1947; Rubin, 1980].

В публикациях, представленных турецкой исторической наукой, американско-турецкие отношения рассматриваются преимущественно в контексте англо-турецких и турецко-советских отношений [Hale, 2008, p. 400; Deringil, 1989, p. 238; Bilgin, 2008, p. 323; Tamkin, 2009, p. 267; Athanassopoulou, 1999, p. 20].

Таким образом, из обзора отечественной и зарубежной историографии видно, что интерес у ученых более всего вызывал не анализ американско-турецких отношений в начале Второй мировой войны, а история взаимоотношений Турции и СССР в контексте попыток Москвы добиться контроля над Черноморскими проливами. Особое внимание при этом было уделено изучению взаимоотношений в четырёхугольнике Турция, Великобритания, Германия и СССР.

Цель настоящей статьи – восполнить некоторые из имеющихся в научной литературе пробелов, рассмотрев двусторонние отношения между Анкарой и Вашингтоном в контексте взаимоотношений Анкары, Лондона, Берлина и Москвы на начальном этапе Второй мировой войны.

Внешняя политика Турции после завершения Лозаннской конференции (июнь 1923 г.) и до подписания англо-франко-турецкого Договора о взаимной помощи 19 октября 1939 г. демонстрировала отход от позиции неприсоединения и всё возрастающее желание найти союзников среди европейских держав. В конце 1920-х – начале 30-х гг. в Анкаре полагали, что таким союзником мог бы стать СССР, так как в тот период турецко-советские отношения находились на достаточно высоком уровне развития. Однако возросшая угроза со стороны Италии поставила турецкое руководство перед необходимостью найти союзника, обладающего мощным военно-морским флотом, которого не было у СССР. Данное обстоятельство ставило перед Анкарой задачу восстановить дружеские отношения с Великобританией, не отказываясь при этом от сотрудничества с СССР. Во время беседы с послом Великобритании Перси Лорейном 17 июня 1934 г. турецкий президент Кемаль Ататюрк намекнул на желательность установления более близких отношений с Великобританией. На реплику посла о том, что в настоящий момент самым близким другом Турции является СССР, Ататюрк с раздражением заметил, что одно не исключает другое [Zhivkova, 1976, p. 5].

После смерти Ататюрка 10 ноября 1938 г. президентом страны был избран Исмет Инёню. Основной задачей его внешней политики было провозглашено удержание Турции вне начинающейся войны.

Правительство Турции большое значение придавало обеспечению безопасности своей страны не только в Средиземном, но и в Чёрном море, что в свою очередь диктовало необходимость сохранения дружественных и партнёрских отношений с СССР. Турецкие лидеры отдавали себе отчёт в том, что в случае возможного военного конфликта с Италией или Германией северные границы страны должны быть в безопасности. В Анкаре складывалось понимание того, что создание единого фронта против Германии и Италии без участия СССР со стратегической точки зрения не имеет перспектив. Поэтому министру иностранных дел Турции Р. Арасу, находившемуся в апреле 1939 г. с визитом в Великобритании, были даны инструкции выяснить, как правительство Н. Чемберлена отнесётся к созданию в Восточной Европе антигерманского союза, участниками которого будут Турция, СССР, Польша и Румыния. Англичане отклонили этот план, посчитав его нереалистичным ввиду сложных отношений между СССР и его восточными соседями – Польшей и Румынией. Но само предложение говорит о том, что накануне Второй мировой войны турецкие лидеры считали, что без участия СССР, Англии, Франции и Турции не удастся сдержать Германию. Министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу, сменивший на этом посту Араса весной 1939 г., в беседе с послом США в Турции Дж. Макмюрреем заявил, что турецкое правительство хотело бы, чтобы в случае конфликта с Германией СССР с его сильной армией воевал против немцев и итальянцев [Athanassopoulou, 1999, p. 20]. Очевидно, что создание союза между Турцией, Румынией и СССР при поддержке Великобритании было выгодно Турции и открывало ей возможность стать посредницей в советско-британских отношениях.

После нападения Италии на Албанию в начале апреля 1939 г. англо-турецкий переговорный процесс вступил в заключительную фазу. Одновременно шла подготовка договора между Турцией и Францией о взаимопомощи в Средиземном море. Узнав об этом, руководство Германии предпри-

няло попытку не допустить сближения Лондона и Парижа с Анкарой. Франц фон Папен, посол Германии в Турции, 28 апреля 1939 г. во время беседы с Сараджоглу заметил, что, пока Турция сохраняет дружеские отношения с Германией, ей не нужно опасаться Италии [Athanassopoulou, 1999, p. 20]. Но турецкое руководство по-прежнему рассматривало Италию как источник угрозы безопасности своей страны. В Анкаре полагали, что только мощный английский флот сможет стать надёжным союзником в Средиземноморье в случае нападения Италии.

Турки обладали хорошей исторической памятью. Дружественные отношения Османской империи с кайзеровской Германией не помешали Италии в 1911 г. напасть на Триполи. Большинство исследователей, занимающихся историей внешней политики Турции этого периода, считают вполне логичным то, что руководство Турецкой республики в своей внешней политике взяло курс на сближение с Великобританией, отказавшись от более тесного сотрудничества с СССР, объясняя это тем, что Москва не могла предоставить Анкаре гарантий безопасности ни в Средиземном, ни в Чёрном море в силу слабости ее армии и экономики [Alvarez, 1980; Deringil, 1989; Tamkin, 2009]. Однако существует и другая точка зрения. Турецкий историк Кемаль Карпат считает ошибкой действия турецкого правительства. По его мнению, в назревавшем европейском конфликте Турции в первую очередь следовало позаботиться о том, чтобы иметь в своих союзниках СССР, и только после решения этой задачи надлежало налаживать свои отношения с Великобританией [Karpat, 1975, p. 76]. Тем не менее в результате начавшихся ещё 15 апреля 1939 г. переговоров между Турцией и Англией 12 мая 1939 г. была подписана англо-турецкая декларация, которая предполагала заключение договора о взаимопомощи. А благодаря разрешению проблемы Хатая (Александретского санджака) стало возможным подписание 23 июня 1939 г. подобной декларации и с Францией².

Отношение советского руководства к англо-франко-турецким переговорам поначалу было благожелательным. Заместитель народного комиссара иностранных дел В.П. Потёмкин, посетивший в апреле 1939 г. Анкару [Год кризиса, 1990, с. 392], в беседе с президентом Турции Инёню заметил, что в Москве благожелательно относятся к заключению соглашения между Анкарой, Лондоном и Парижем [Deringil, 1989, p. 74]. Однако у турецкого руководства сложилось впечатление, что в Москве были недовольны тем, что турецкая сторона не должным образом информировала Кремль о ходе переговоров с англичанами³. Сараджоглу говорил британскому послу в Турции Н. Хьюгессену, что руководители СССР считают, что их намеренно не информируют о переговорах, и дают понять, что такое поведение имеет следствием рост недоверия в отношениях между двумя государствами [Deringil, 1989, p. 74.]. Турецкий же посол в СССР З. Апаидын 13 мая 1939 г. сообщил в Анкару, что НКВД почти никак не отреагировали на англо-турецкую декларацию и что только после того, как он напомнил об этом, ТАСС опубликовал короткую заметку [Irving, 1968, p. 60].

Заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении застало турецкое руководство врасплох. На следующий день после его подписания Сараджоглу во время беседы с послом США в Турции Дж. Макмюрреем, заявил, что в Анкаре ошеломлены той скоростью, с которой он был подписан. По словам министра, этот шаг серьёзным образом мог отразиться на состоянии турецко-советских отношений [Athanassopoulou, 1999, p. 60]. Сбывались самые худшие опасения турецкой дипломатии – Великобритания и СССР оказались в разных лагерях, что сводило на нет попытку Анкары стать посредницей в отношениях между этими странами в случае их сближения.

Германия напала на Польшу 1 сентября 1939 г., а 17 сентября СССР ввёл свои войска на территории западной Украины и Белоруссии. Включение восточных территорий Польши в состав СССР укрепило турецкое руководство во мнении о том, что Москва во внешней политике возвращается к имперской политике царского правительства, направленной на расширение территории.

В такой обстановке турецкое руководство, стремясь получить гарантии территориальной целостности своей страны, предприняло попытку заключения с СССР договора, сходного по содержанию с тем, который Турция намеревалась подписать с Великобританией и Францией [Данилов, 2001, с. 12; Поцхверия, 1999, с. 444]. Для ведения переговоров Сараджоглу 24 сентября направился в Москву [Год кризиса, 1990, с. 181–182].

Несмотря на то что Сараджоглу прибыл в Москву 26 сентября, Сталин и Молотов встретились с ним только 1 октября, уже после того, как 28 сентября был подписан советско-германский договор о дружбе и границе. Это дало ещё один повод турецкой делегации убедиться в том, что внешнеполитические приоритеты Кремля изменились в пользу Германии и что теперь Москва

окончательно откажется от диалога с Великобританией и Францией. Исходя из этих соображений, Сараджоглу принял решение уклоняться от любых предложений советских руководителей, которые противоречили бы духу англо-турецкой декларации.

Во время встречи с Сараджоглу Сталин и Молотов, которые были знакомы с проектом англо-франко-турецкого договора, выказали турецкому министру свою озабоченность по поводу его предстоящего подписания [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 16–17]. Затем Сталин предъявил ряд требований, без выполнения которых было невозможно заключение нового советско-турецкого договора. Во-первых, Турции предлагалось отказаться от предоставления военной помощи Великобритании и Франции в случае начала их войны с Германией, а также от предоставления аналогичных гарантий Греции и Румынии. Во-вторых, в случае, если Великобритания и Франция нападут на СССР, Турция должна сохранять нейтралитет. В-третьих, подписание нового договора с Турцией было возможно при условии, согласно которому в случае германо-турецкого конфликта СССР также оставался нейтральным. В-четвёртых, Анкаре было предложено согласиться на пропуск советских военных кораблей через проливы не только в мирное, но и в военное время. После консультаций со своим правительством Сараджоглу ответил, что Анкара готова согласиться на первые два предложения Сталина [Athanassopoulou, 1999, p. 25; Ataöv, 1965, p. 48–60; Deringil, 1989, p. 85–88; Гасанлы, 2008, с. 55–63]. Лондон и Париж, проинформированные Анкарой о характере советских предложений, одобрили позицию Сараджоглу, занятую в отношении первых двух пунктов. Что касается четвёртого пункта, то турецкое правительство отказалось его принять, так как это привело бы к утрате турецкого контроля над проливами.

Возникают вопросы, могла ли Анкара на данном этапе подписать договор с Москвой на условиях Сталина и остаться в стороне от начинавшейся войны? Рассматривало ли турецкое руководство недавно заключенный англо-франко-турецкий договор только как документ, обязывавший Великобританию и Францию защищать Турцию в случае нападения на неё Италии и Германии без взаимных гарантий с её стороны? Что касается советско-турецкого договора в той редакции, которую предлагал Сталин, то вероятнее всего Турция не пошла бы на его подписание, так как в этом случае ей пришлось бы согласиться на советское военное присутствие в зоне проливов, что в конечном счете могло привести к вовлечению страны в войну, если бы СССР и Германия выступили единым фронтом против Великобритании и Франции. В сентябре 1939 г. такое допущение невозможным не казалось.

Турки, безусловно, были довольны тем обстоятельством, что в соответствии с достигнутыми договорённостями англичане и французы обещали оказывать им финансовую помощь. Но относительно военно-политических гарантий безопасности в случае нападения Италии и Германии они не имели иллюзий: трагический пример Польши, у которой был договор о взаимопомощи с Великобританией и Францией, показал турецким лидерам, что само по себе наличие договоров такого рода не означает, что реальная помощь действительно будет оказана. Придя к таким выводам, Инёню и Сараджоглу не прекращали контактов с правительствами Германии и Италии, стремясь тем самым обеспечить безопасность своей страны. В конце октября 1939 г. Н. Хьюгессен сообщал в Лондон, что у него сложилось впечатление, что турки готовы подписать с Италией договор, аналогичный англо-турецкому, если получат заверения в том, что их интересы на Средиземном море и Балканах будут надёжно защищены [Athanassopoulou, 1999, p. 25].

Турецкие лидеры осознавали, что заключение договора с Великобританией и Францией влечёт за собой обострение отношений с СССР. А подписание пакта Молотова – Риббентропа и последующего за ним договора о дружбе и границе привело, по мнению Анкары, к осложнению ситуации в Юго-Восточной Европе и на Балканах. Главным источником тревоги турецкой элиты в то время был вопрос о том, будет ли СССР стремиться к расширению сферы своего влияния в рамках сотрудничества с Германией или же ограничится экономическим сотрудничеством с нацистами [Athanassopoulou, 1999, p. 25]. Сараджоглу, например, полагал, что СССР продолжит сотрудничество с Турцией. Но большинство членов турецкого правительства, включая Инёню, считали, что недавние действия Москвы таят в себе угрозу для независимости страны. После длительных дискуссий было принято решение считать первостепенной задачей турецкой дипломатии на данном этапе дальнейшее укрепление союзных отношений с Великобританией и Францией. Полагая, что союзный договор с СССР сулит больше проблем, чем выгод, и в то же время опасаясь остаться в изоляции, Анкара сделала свой выбор в пользу сотрудничества с западными державами. Таким об-

разом, система параллельных пактов, которую Турция предлагала до этого, не была создана [Alvarez, 1980, p. 24; Deringil, 1989, p. 79; Tamkin, 2009, p. 15; Zhivkova, 1976, p. 109].

Исходя из этих соображений, в Анкаре было принято решение о скорейшем подписании договора с Лондоном и Парижем. К октябрю 1939 г. политические и военные детали англо-франко-турецкого договора были согласованы. При возникновении угрозы военного нападения Германии и Италии на Турцию Англия и Франция обещали ей военную поддержку. Три государства обязались оказывать поддержку друг другу в случае начала военных действий в Средиземноморье, кроме того, Турция гарантировала помощь своим союзникам в обеспечении их гарантий, данных Греции и Румынии. Если Великобритании и Франции придётся вступить в войну, но военные действия не затронут Средиземноморье, Турции надлежало консультироваться с ними и сохранять дружественный нейтралитет. И, наконец, специальный протокол освобождал Турцию от любых действий в случае конфликта Англии и Франции с Советским Союзом. 19 октября 1939 г. Великобритания, Франция и Турция подписали договор о взаимопомощи⁴.

Наркомат иностранных дел СССР официально не выразил негативного отношения к англо-франко-турецкому договору, но в статье, подготовленной В. Молотовым для публикации в «Известиях», были затронуты некоторые принципиальные моменты. Критике подверглись Англия и Франция, а в отношении Турции была проявлена лояльность и осторожность. Отмечалось, что «была сделана неудачная попытка при помощи параллельных пактов между СССР и Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией и Турцией – с другой, вовлечь СССР в комбинацию, направленную главным образом против Германии и эвентуальных противников Англии и Франции в бассейне Средиземного моря» [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1329. Л. 27].

США играли незначительную роль в борьбе, которая развернулась в конце 1930-х гг. между европейскими державами за политическое влияние в Турции. Симпатии правительства США были на стороне Великобритании и Франции. Посол Макмюррей следующим образом охарактеризовал состояние американо-турецких отношений: «Я не думаю, что США имели какое-либо влияние на политику, проводимую Турцией накануне войны. Турки с подозрением смотрели на нацистскую Германию, и их симпатии были на стороне Великобритании. Британцы в свою очередь, опасаясь того, что Турция может выступить на стороне Германии и её союзников, как это уже было в 1914 г., всячески поддерживали позицию "дружественного нейтралитета", которую занимала Турция. США не предпринимали никаких попыток каким-либо образом влиять на турецкую позицию, хотя, конечно, не делали секрета из того, что их симпатии находятся на стороне Великобритании» [Trask, 1971, p. 239].

К началу Второй мировой войны во внешней политике Турции и США можно было найти определенное сходство. Их объединяло стремление остаться нейтральными в назревавшем конфликте. Поведение Турции контрастировало с её действиями в Первой мировой войне, когда она сражалась на стороне блока центральных держав. На этот раз Анкара склонялась к тому, чтобы сохранить нейтралитет [Alvarez, 1980, p. 23; Deringil, 1989, p. 78].

К началу 1940 г. ситуация в Европе и на Балканах резко обострилась. Вступление Италии в войну против Франции включило в повестку дня проблему обязательств, взятых на себя Турцией по договору от 19 октября. В связи с тем, что военные действия распространились на Восточное Средиземноморье, послы Англии и Франции в Анкаре передали турецкому руководству требования своих правительств вступить в войну в соответствии с союзным договором. Но, пока шли переговоры, Франция капитулировала.

Проблема возможного вступления в войну стала предметом обстоятельного анализа в турецких политических кругах. Менеменджиоглу (генеральный секретарь МИДа) и Сараджоглу – ведущие фигуры турецкой внешней политики – нашли аргументы, позволяющие удержать страну от участия в боевых действиях. МИД заявил, что, во-первых, обещанные по договору с Великобританией и Францией вооружения и боеприпасы до сих пор не поступили, во-вторых, если Турция вступит в войну, то военные операции распространятся и на Средний Восток, и, в-третьих, вступление Турции в войну может спровоцировать Советский Союз на ответные меры. На основании этих аргументов правительство приняло решение о сохранении нейтралитета [Гасанлы, 2008, с. 75].

В октябре 1940 г. Анкара предприняла еще одну попытку создания блока для противодействия Германии и Италии. 9 октября 1940 г. посол в США К. Эртэгюн в беседе с заместителем государственного секретаря А. Бёрлом попросил правительство США помочь Турции в создании бло-

ка из четырёх государств – СССР, Греции, Турции и, возможно, Болгарии – для противодействия агрессии Германии и Италии на Балканском полуострове. Турецкий посол заявил, что его страна всегда стремилась поддерживать дружеские отношения со всеми странами, в особенности с Советской Россией, несмотря на возникающие между ними разногласия. Однако в настоящий момент ситуация резко изменилась. Присутствие немецких вооружённых сил в Румынии создаёт угрозу для Турции. В сложившейся обстановке, как заявил посол, необходимо создать блок из Балканских государств при участии СССР для предотвращения распространения боевых действий на Балканы, и в этом деле Турция хотела бы рассчитывать на поддержку США [FRUS, 1958, p. 957]. На вопрос Бёрла, является ли это предложение результатом выполнения инструкций, полученных послом из Анкары, посол ответил отрицательно, прояснив, что это его личная инициатива, но дав понять, что в случае предварительного согласия американской стороны его правительство обратится с официальным предложением.

Ближневосточный отдел Государственного департамента под руководством У. Мюррея внимательно следил за обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке, а также за ситуацией в Европе. Диапазон сведений о различных аспектах международных отношений, собираемых им, был довольно обширным. В этот период американских дипломатов интересовала прежде всего трансформация отношений Германии и Советского Союза, и у них к тому времени сложилось собственное понимание проблемы.

Основываясь на информации, подготовленной Ближневосточным отделом, Бёрл изложил турецкому послу свое видение ситуации. Аналитики Госдепартамента полагали, что, заключив договор о ненападении с СССР, Германия тем самым дала понять, что у неё нет стратегических интересов в Чёрном море. Однако недавнее подписание венгеро-румынского соглашения произошло при посредничестве Германии, которая выступила гарантом неприкосновенности румынских границ, а это означает фактически выход немецких войск к Чёрному морю и включение Германией в сферу своего влияния территорий, которые СССР рассматривает как зону своих стратегических интересов. В Госдепартаменте США считали, что этот шаг мог быть сделан Берлином без консультаций с Советским правительством, что впоследствии негативным образом могло сказаться на состоянии германо-советских отношений [FRUS, 1958, p. 959]. Обстановка на Дальнем Востоке также складывалась неблагоприятно для СССР. «Великая Азиатская сфера сопроцветания», по мнению Японии, включала в себя территории, в настоящее время принадлежавшие Советскому Союзу. «Поэтому, оценивая текущее состояние дел в германо-советских отношениях, аналитики Госдепартамента считали, – заключил Бёрл, – что Советский Союз может пойти на сотрудничество с государствами, не подконтрольными Германии» [FRUS, 1958, p. 959].

Эртэгюн согласился с точкой зрения Бёрла, добавив, что ситуация, сложившаяся в Восточном Средиземноморье, очень серьёзная, поэтому он и выступил с предложением о союзе, даже несмотря на то, что, по его мнению, правительство Соединённых Штатов недостаточно уделяет внимания вопросам, связанным с Турцией [FRUS, 1958, p. 960]. Бёрл заверил турецкого посла, что Госдепартамент рассмотрит его предложение и даст ответ в скором времени. Но уже сейчас он (Бёрл. – И.С.) может сказать, что согласие Госдепартамента поддержать новый союз будет зависеть от того, какими будут отношения США и СССР в ближайшее время. «В настоящий момент, – пояснил Бёрл, – эти отношения ограничиваются главным образом торговыми поставками и решением проблем американских граждан, оказавшихся на территории СССР в результате присоединения Прибалтийских стран» [FRUS, 1958, p. 961].

После беседы Бёрл пригласил к себе начальника Ближневосточного отдела У. Мюррея и поинтересовался его мнением о том, стоит ли Соединённым Штатам соглашаться на предложение турецкого посла. Мюррей заявил, что он находит это предложение интересным, но, перед тем как дать своё согласие, необходимо прояснить несколько вопросов, которые будут обязательно подняты в ходе возможных переговоров. Первое: если Германия или Болгария нападут на Турцию, то будут ли турки сопротивляться? Второе: если Турция решит сражаться, то окажет ли ей помощь Россия или нанесёт удар в спину через Армению или Иран? Третье: располагает ли Турция достаточным потенциалом, чтобы стать лидером среди государств Ближнего и Среднего Востока, и не приведёт ли подобное лидерство к возрождению новой Османской империи? И, наконец, главное: какую позицию должны занять США в данной ситуации, а также какова будет степень их участия в возможном конфликте, т.е. следует ли оказывать Турции не только экономическую, но и военную

поддержку? [FRUS, 1958, p. 962].

Проанализировав ситуацию, аналитики Ближневосточного отдела пришли к заключению, что турецкая армия в случае нападения Германии сможет долгое время сдерживать немцев, используя гористую местность Тавра. Даже если немцы выйдут к Суэцкому каналу и иранским нефтяным месторождениям, они не смогут воспользоваться нефтью для снабжения своих армий, так как в окрестностях Мосула находится только один небольшой нефтеперерабатывающий завод [FRUS, 1958, p. 962]. Также в Госдепартаменте полагали, что при подобном развитии событий Советский Союз всё-таки нападёт на Турцию. Это заключение основывалось на уверенности в том, что советские лидеры будут стараться установить контроль над проливами в случае, если немецкое вторжение в Турцию будет иметь успех [FRUS, 1958, p. 963].

В связи со сказанным рассматривались два возможных варианта внешнеполитического курса Турции. Во-первых, Анкара имела влияние на государства Саадабадского пакта и, следовательно, могла побудить их выступить единым фронтом против германской угрозы. Во-вторых, турки могли поддаться на уговоры Германии и заключить с ней договор, аналогичный тому, который был заключен с Англией и Францией в 1939 г. В Госдепартаменте на основании анализа этих вариантов пришли к выводу, что США должны как можно дольше удерживать Турцию от союза с Германией и всеми доступными способами, кроме военных, содействовать сохранению ею статуса нейтральной страны. В скором времени Бёрл пригласил к себе турецкого посла и сообщил, что, обдумав предложение, которое было сделано 9 октября, правительство Соединённых Штатов отклоняет его, однако он готов обсудить вопросы, касающиеся заключения торгового соглашения между двумя странами [FRUS, 1958, p. 963].

Таким образом, Вашингтон дал понять Анкаре, что он не намерен играть активную роль в организации антинацистского блока на Балканах и предпочитает ограничиться развитием торговых отношений, пользуясь для этого преимуществами нейтралитета, которого придерживались в этот момент обе страны. Оценивая ситуацию, сложившуюся на границах Турции к осени 1940 г., США было принято решение, что на данном этапе следует сосредоточиться на оказании помощи Великобритании.

Для того чтобы показать, что США полностью согласны с политикой Великобритании, государственный секретарь Хэлл попросил Макмюррея передать турецкому правительству, что в своём недавнем обращении к народу «президент Рузвельт сказал, что США безотлагательно примут меры для защиты страны от возможного нападения. Поддержка Великобритании всеми возможными способами является краеугольным камнем национальной политики США» [FRUS, 1958, p. 815].

В первые месяцы 1941 г. возросшая угроза государствам Балканского полуострова и Ближнего Востока со стороны Германии привлекла внимание США к этому региону. С целью изучить обстановку на месте и воодушевить правительства государств, чьё положение было критическим, президент Рузвельт направил туда полковника Донована, который 1 февраля 1941 г. прибыл в Турцию. Соединенные Штаты обещали оказать помощь этой стране в случае реальной германской угрозы. Однако официальная Анкара, объявив о своей солидарности с Англией и США, никаких конкретных обязательств на себя не взяла.

Англичане же подозревали турок в том, что они симпатизируют Германии, своему союзнику в Первой мировой войне. Хьюгесен отмечал, что «ввод немецких войск в Болгарию (1 марта 1941 г. – *И.С.*) был спокойно воспринят руководителями турецкого государства». Одновременно с вводом войск в Болгарию Гитлер, который пытался добиться присоединения Турции к Тройственному соглашению, 1 марта отправил Инёню личное послание, в котором кроме изъявления дружеских чувств к турецкому народу объяснил, что его действия не направлены против Турции» [Deringil, 1989, p. 119].

К началу лета 1941 г. позиции Германии на Балканском полуострове стали настолько прочными, что турецкие лидеры поняли, что, для того чтобы избежать немецкого вторжения, им требуется нечто большее, чем «моральная поддержка» Великобритании. Ещё в 1940 г. немецкий генеральный штаб разработал план «Гертруда», который предполагал захват Турции. [Гальдер, 1968, с. 29–307]. Окончательный его вариант предусматривал наступление танковых дивизий со стороны Болгарии на Стамбул с последующим выходом в Сирию. Эта операция была задумана в Берлине в ноябре 1940 г. как фланговый удар для захвата Суэцкого канала и соединения с итало-немецкими частями в Египте. По-видимому, об этом стало известно в Анкаре, иначе чем можно объяснить

неожиданное согласие турецкой стороны на предложение начать переговоры с Германией, которое было сделано фон Папеном в начале мая 1941 г.

Посол Макмюррей, внимательно следивший за ходом переговорного процесса, сообщал в Госдепартамент США о причинах, побудивших турецкое правительство сесть за стол переговоров с нацистами. По его мнению, недавние неудачи Великобритании в Греции и оккупация Югославии показали туркам, что в настоящий момент им приходится рассчитывать только на себя [FRUS, 1958, р. 849–850]. В свою очередь турецкие дипломаты держали в курсе событий англичан и американцев, пытаясь убедить Форин Офис и Госдепартамент в том, что переговоры не направлены против Великобритании и США, объясняя свои действия тем, что у Турции в настоящий момент нет выбора, так как она находится в полной изоляции от своих союзников [FRUS, 1958, р. 855–858]. В это же время в турецких газетах появился ряд публикаций, оправдывающих действия своего правительства [FRUS, 1958, р. 853].

В итоге германо-турецкий договор о дружбе и нейтралитете был подписан за четыре дня до нападения Германии на СССР 18 июня 1941 г.

Следует отметить, что в Анкаре, по-видимому, были правы в своих подозрениях относительно желания Берлина использовать территорию Турции в своих интересах и без согласия турецкого правительства. Проанализировав обстановку в мире, 7 июля 1941 г. Гитлер, в частности, предложил сосредоточить на болгаро-турецкой границе не менее четырёх танковых дивизий для возможной операции через Анатолию, а немецкий генштаб, по словам Ф. Гальдера, «продолжал разрабатывать операцию против Турции». [Гальдер, 1971, с. 132, 211, 256]. Подтверждением того, что такие планы существовали, может служить тот факт, что 15 июля 1941 г. при разгроме частями РККА 52-го немецкого химического полка западнее Ситня в числе других документов была захвачена папка с секретными картами и схемами Европейской части Турции и черноморских проливов. По показаниям пленных немецких солдат и офицеров 52-й полк дислоцировался перед началом боевых действий на Балканах. На всех этих документах, носящих гриф «Только для служебного пользования», условными обозначениями нанесены военные объекты Турции [Секретные документы...].

Несмотря на все заверения турецкого правительства в том, что германо-турецкий договор никак не повлияет на отношение Турции к Великобритании и США, английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс по поручению своего правительства обратился к Хэллу с просьбой сделать заявление, в котором будет подчеркнута, что подписание договора с немцами негативным образом будет воспринято американским общественным мнением и приведёт к ухудшению турецко-американских отношений и прекращению поставок вооружения [FRUS, 1958, р. 853]. Макмюррей же советовал Государственному департаменту не делать громких заявлений, так как, по его мнению, они ещё больше обострили бы ситуацию и привели бы к дополнительным осложнениям [FRUS, 1958, р. 857]. Государственный секретарь согласился с мнением посла, тем не менее посоветовал намекнуть турецкому премьер-министру, что США недовольны самим фактом сотрудничества Турции и нацистской Германии [FRUS, 1958, р. 857].

В день подписания германо-турецкого договора Макмюррею удалось встретиться с Сараджоглу. Посол, следуя инструкциям, полученным из Вашингтона, заметил, что подписание договора с Германией может привести к некоторым осложнениям. В виду того что его страна является союзником Великобритании и оказывает ей помощь в борьбе с нацизмом, многие общественные и политические деятели в США возмущены фактом подписания договора с Германией и оказывают давление на Госдепартамент и президента, требуя прекратить сотрудничество с Турцией. Однако министр заверил посла, что, несмотря на подписание договора, Турция была и остаётся добрым другом США. Эта мера была вынужденной, и правительство приняло её для того, чтобы избежать вторжения немецких войск на территорию своей страны. У Турции нет никакой возможности эффективно сопротивляться немецкой военной машине, так как обещанные ей поставки оружия из Великобритании и США осуществляются не в полном объёме и крайне нерегулярно. В ответ посол заявил, что в настоящее время администрация президента подвергается критике в связи с тем, что, по мнению многих сенаторов и конгрессменов, вместо того чтобы сконцентрироваться на оказании помощи Великобритании, президент расплюскает ресурсы, оказывая помощь странам, которые непосредственно не сражаются с нацистами. Министр должен понимать, каких усилий стоило президенту и его команде добиться одобрения закона о ленд-лизе Конгрессом. Теперь же, после того как Турция подписала договор с Германией, будет очень трудно убедить американское общественное

мнение в том, что Турция намерена оказывать сопротивление нацизму. Министр ответил, что страна, которая находится за много тысяч миль от войны, не может понять его страну, на пороге которой стоит вражеская армия [FRUS, 1958, p. 859–861].

Нападение Германии на Советский Союз вызвало в Турции вздох облегчения. Хьюгессен 23 июня сообщил о том, что Сараджоглу радовался известию о начале войны как ребёнок [Deringil, 1989, p. 123].

Заявления английского премьера и президента США о том, что Великобритания и Соединённые Штаты окажут всю возможную помощь СССР в его борьбе против Германии, не произвели впечатления на турецких официальных лиц, которые в частных беседах с английским послом говорили, что главной целью России в той войне был захват проливов.

Для турецких лидеров национальные интересы были определяющими во внешней политике. В 1939 г. уроки Первой мировой войны, результатом которой стало унижение и расчленение на части Османской империи, не были забыты. Позиция Анкары в рассматриваемый период обуславливалась главным образом политической ситуацией в Европе. Только с началом Второй мировой войны Турция стала занимать заметное место во внешней политике США.

В 1939–1941 гг. главная задача, которую решало правительство Турции, заключалась в том, чтобы определить своё отношение к начавшейся европейской войне. Политика параллельных пактов не увенчалась успехом, однако курс турецкого правительства на нейтралитет был принят будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Отличительной чертой этого этапа в развитии международных отношений было появление нового актора в районе Среднего Востока и Балканском регионе – США. Однако активность США была ограничена, так как они ещё не участвовали в войне и их политика в регионе в основном строилась на учёте интересов Великобритании и ожидания конфликта между Германией и Советским Союзом.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2013 и на плановый период 2014 и 2015 годов в части проведения научно-исследовательских работ». Шифр проекта: 6.1011.2011.

² Александретский санджак (Республика Хатай) был частью Османской империи. Отторгнутый от неё после Первой мировой войны, он находился под управлением Франции до 1935 г. Около 40 % населения этой территории считали себя турками. Турция отказывалась признавать эти территории частью Сирии и вынесла решение этого вопроса на Совет Лиги Наций. В результате переговоров была достигнута договорённость о возвращении Турции этих территорий. 29 июня 1939 г. Александретский санджак был присоединён к Турции.

³ Согласно ст. 2. Советско-турецкого договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете «каждая из сторон также обязывается воздерживаться от всякого нападения на другую сторону и не принимать участия ни в каком союзе, политическом соглашении или ином акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой стороны».

⁴ Полный текст договора см.: Millman B., *The Ill-Made Alliance: Anglo-Turkish Relations, 1934–1940*. London: McGill-Queen's University Press, 1998.

Библиографический список

- Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008.
- Гасратян М. А. Очерки истории Турции. М., 1983.
- Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.
- Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 2: От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (1939–1940). М., 1968.
- Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3, кн. 2.: От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (1941–1942). М., 1971.
- Еремеев Д. Е. Турция в годы второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.
- Лаврова Т.В. Черноморские проливы (Исторический очерк). Ростов н/Д, 1997.
- Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948.
- Миллер А.Ф. Актуальные проблемы новой и новейшей истории Турции. М., 1983.

- Моисеев П. П.* К истории советско-турецких отношений. М., 1958.
- Поцхверия Б. М.* Советско-турецкие отношения и проблема Проливов, в годы второй мировой войны и в послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия). М., 1999.
- Поздеева Л.В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1941–1945 гг. М., 1969.
- Секретные документы, карты и схемы германского главного командования о подготовке немецких фашистов к нападению на Турцию. // Правда. 1941. 26 июня.
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 16–17.
РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1329. Л. 27.
- Чевтаев А.Г.* Политика Великобритании в Средиземноморье в годы второй мировой войны (1939–1943 гг.). Свердловск, 1988.
- Шамиутдинов А.М.* Турецкая Республика: краткий очерк истории. 1923–1961. М., 1962.
- Alvarez D.* Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessalonica, 1980.
- Athanassopoulou E.* Turkey-Anglo-American security interests, 1945–1952: the first enlargement of NATO. London, 1999.
- Ataöv T.* Turkish Foreign Policy, 1939–1945. Ankara, 1965.
- Burns J. M.* Roosevelt: The Lion and the Fox. New York, 1956.
- Bennett E.* FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990.
- Bilgin M.* Britain and Turkey in the Middle East: Politics and Influence in the Early Cold War Era. London, 2008.
- Combs J. A.* The History of American Foreign Policy. New York, 1986.
- Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York, 1979.
- Deringil S.* Turkish foreign policy during the Second World War: an “active” neutrality. New York, 1989.
- Perkins D.* The Diplomacy of a New Age. London, 1967.
- Pratt J. W. A.* A History of United States Foreign Policy. New-Jearsey, 1955.
- Feis H.* Between War and Peace: The Potsdam Conference. New York, 1967.
FRUS. 1940. Vol. III. Washington, 1958.
FRUS. 1941. Vol. III. Washington, 1958.
- Hale W.* Turkish foreign policy 1774–2000. London, 2008.
- Hurewitz J. C.* Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. New York, 1953.
- Howard H.* Turkey, the Straits and U.S. Policy; Baltimore, 1974.
- Irving D.* Breach of Security. London, 1968.
- Karpat K.* Turkey’s Foreign Policy in Transition, 1950–1974. Leiden, 1975.
- Rubin B.* The Great Powers in the Middle East 1941–1947: The Road to the Cold War. London, 1980.
- Speiser E. A.* The United States and the Near East. Cambridge, 1947.
- Tamkin N.* Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45: Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. New York, 2009.
- Trask R.* The United States response to Turkish nationalism and reform 1914–1939. Minnesota, 1971.
- Zhivkova L.* Anglo-Turkish Relations, 1933–1939. London, 1976.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.05.2013

THE ATTITUDE OF THE USA TOWARD FOREIGN POLICY OF TURKEY IN 1939-1941

I. V. Smolnyak

Vyatka State Humanitarian University, Krasnoarmeyskaya str., 26, 610002, Kirov, Russia
sovlab.vgu@mail.ru

Turkey and the Black Sea straits are the territories where the interests of different states and competing geopolitical forces have been always crossed. The Turkish government played a big diplomatic game in Europe and the Eastern Mediterranean. The example of Turkey being outside the interests of the USA before World War II gives an op-

portunity to trace the stages of the involving of the US to the political processes in the region. The article is devoted to the US -Turkish relations on the eve of World War II, and especially to the US' attitude to the Turkish policy of neutrality. A particular attention is paid to the history of bilateral relations between Ankara and Washington in the context of Turkey's relations with London, Berlin and Moscow at the early stages of World War II.

Key words: US foreign policy, international relations, the Black Sea straits, Turkey, the Eastern Mediterranean, World War II.

References

- Gasanly Dzh. P. SSSR – Turtsiya: ot neytraliteta k kholodnoy voyne (1939–1953). M., 2008.
- Gasratyan M. A. Ocherki istorii Turtsii. M., 1983.
- God krizisa. 1938–1939: Dokumenty i materialy: v 2 t. M., 1990. T. 1.
- Danilov A.A., Pyzhikov A.V. Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennyye gody. M., 2001.
- Gal'der F. Voennyi dnevnik: Ezhednevnye zapisi nachal'nika general'nogo shtaba sukhoputnykh voysk. 1939–1942 gg. T. 2: Ot nachala voyny s Pol'shey do kontsa nastupleniya na Zapadnom fronte (1939–1940). M., 1968.
- Gal'der F. Voennyi dnevnik: Ezhednevnye zapisi nachal'nika general'nogo shtaba sukhoputnykh voysk. 1939–1942 gg. T. 3, kn. 2.: Ot nachala Vostochnoy kampanii do nastupleniya na Stalingrad (1941–1942). M., 1971.
- Eremeev D. E. Turtsiya v gody vtoroy mirovoy i «kholodnoy» voyn (1939–1990). M., 2005.
- Lavrova T.V. Chernomorskie prolivy (Istoricheskiy ocherk). Rostov n/D, 1997.
- Miller A.F. Ocherki noveyshey istorii Turtsii. M., 1948.
- Miller A.F. Aktual'nye problemy novoy i noveyshey istorii Turtsii. M., 1983.
- Moiseev P. P. K istorii sovetsko-turetskikh otnosheniy. M., 1958.
- Potskhveriya B. M. Sovetsko-turetskie otnosheniya i problema Prolivov, v gody vtoroy mirovoy voyny i v poslevoennyye desyatiletiya // Rossiya i Chernomorskie prolivy (XVIII – XX stoletiya). M., 1999.
- Pozdeeva L.V. Anglo-amerikanskyye otnosheniya v gody vtoroy mirovoy voyny. 1941–1945 gg. M., 1969.
- Sekretnye dokumenty, karty i skhemy germanskogo glavnogo komandovaniya o podgotovke nemetskikh fashistov k napadeniyu na Turtsiyu. // Pravda. 1941. 26 iyunya.
- RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 388. L. 16–17.
- RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 1329. L. 27.
- Chevtayev A.G. Politika Velikobritanii v Sredizemnomore v gody vtoroy mirovoy voyny (1939–1943 gg.). Sverdlovsk, 1988.
- Shamshutdinov A.M. Turetskaya Respublika: kratkiy ocherk istorii. 1923–1961. M., 1962.
- Alvarez D. Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessalonica, 1980.
- Athanassopoulou E. Turkey-Anglo-American security interests, 1945–1952: the first enlargement of NATO. London, 1999.
- Ataöv T. Turkish Foreign Policy, 1939–1945. Ankara, 1965.
- Burns J. M. Roosevelt: The Lion and the Fox. New York, 1956.
- Bennett E. FDR and the Search for Victory: American Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990.
- Bilgin M. Britain and Turkey in the Middle East: Politics and Influence in the Early Cold War Era. London, 2008.
- Combs J. A. The History of American Foreign Policy. New York, 1986.
- Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York, 1979.
- Deringil S. Turkish foreign policy during the Second World War: an “active” neutrality. New York, 1989.
- Perkins D. The Diplomacy of a New Age. London, 1967.
- Pratt J. W. A. A History of United States Foreign Policy. New-Jearsey, 1955.
- Feis H. Between War and Peace: The Potsdam Conference. New York, 1967.
- FRUS. 1940. Vol. III. Washington, 1958.
- FRUS. 1941. Vol. III. Washington, 1958.
- Hale W. Turkish foreign policy 1774–2000. London, 2008.
- Hurewitz J. C. Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. New York, 1953.
- Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy; Baltimore, 1974.
- Irving D. Breach of Security. London, 1968.
- Karpat K. Turkey's Foreign Policy in Transition, 1950–1974. Leiden, 1975.
- Rubin B. The Great Powers in the Middle East 1941–1947: The Road to the Cold War. London, 1980.
- Speiser E. A. The United States and the Near East. Cambridge, 1947.
- Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45: Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. New York, 2009.
- Trask R. The United States response to Turkish nationalism and reform 1914–1939. Minnesota, 1971.
- Zhivkova L. Anglo-Turkish Relations, 1933–1939. London, 1976.